Нур Омаров: «У Курманбека Бакиева очень мало времени для самоутверждения»

У новой оппозиции нет никаких оснований для ревизии итогов революции. Но если через два-три года команда нынешнего президента не добьется реальных результатов – страну ожидают новые и более жесткие социальные потрясения и смена власти. В этом убежден известный политолог, кандидат политических наук Нур Омаров.

– Нур, в преддверии годовщины мартовских событий общество занято оценкой произошедших событий. А каким образом вы можете охарактеризовать как 24 марта, так и весь последующий год?

– Наиболее адекватной и устоявшейся в обществе оценкой событий 24 марта является их определение как нелегитимного силового захвата власти оппозицией. Но в этом не стоит винить только оппозицию. Во многом политика, проводимая в последние годы окружением бывшего президента Акаева, способствовала именно такому взрывному развитию событий. В частности, прошлогодние парламентские выборы показали, что окружение бывшего президента всячески старалось создать «карманный» парламент, который поддержал бы любые инициативы А. Акаева. Сам бывший президент в феврале прошлого года признавал факты массового подкупа избирателей и давления на них. И, поэтому, странно слышать сейчас в его заочных заявлениях, что страна при нем твердо встала на путь демократии.

Сейчас очень много споров о том, что же это все-таки было, – народная революция или государственный переворот. Я думаю, произошел силовой захват власти, а уж все остальные понятия, будь то революция или переворот, легко укладываются в эту схему. Общество поддалось аргументам, которые раздавались со стороны оппозиции, состоявшей большей частью из обиженных

прежней властью людей. Главной целью для многих из них было восстановление властных амбиций, но они, к сожалению, не имели серьезных программ по созданию новой общественной модели. Вроде того, по пословице, что война план покажет. Поэтому можно сказать, что год, мягко выражаясь, прошел для страны неудовлетворительно. До сих пор обществу не представлены четко сформулированные программы реформирования в политической, экономической, социальной сфере. Может быть, они где-то и есть, но ведь мы их не видим. Такого рода политика отрицательно действует не только на имидж нового руководства страны, но и на его восприятие обществом. Мы видим, что все чаще раздается критика по поводу бездействия власти. Я думаю, что как раз таки отсутствие конструктивной основы подталкивает ситуацию в негативном направлении. Все-таки, нынешняя власть должна извлечь уроки из прошлого и пытаться выстраивать приемлемое для всех политическое будущее.

В то же время, я не стал бы все сваливать на новую администрацию страны. Ей приходится действовать в исключительно тяжелой политической и экономической ситуации, при неблагоприятной внешней среде. Ее действия подвергаются критике со всех сторон, очень много попыток влиять на власть криминально-охлократическими методами. И, потом, когда многочисленные оппоненты новой администрации набрасываются на нее, они забывают, в каком состоянии, достался государственный механизм Бакиеву. Он совершенно разбалансирован, поражен коррупцией, неэффективен. Поэтому на его приведение в нормальное состояние нужны годы серьезных реформ. Но, опять же, если «функциональные» анализы будут основываться на подсчете северян и южан, ни к чему хорошему это не приведет.

– Что вы, как эксперт, посоветовали бы для стабилизации сложившейся ситуации?

– К сожалению, до сих пор всерьез не используются экспертные силы нашей страны. Под экспертами я подразумеваю не только ученых, но и политиков, бизнесменов, успешных предпринимателей, вообще профессионалов. Существуют различные

программы выхода из политического кризиса, но они остаются невостребованными. Прежде всего, новому руководству необходимо было представить обществу четкую программу политических реформ. Что мы видим? Все зациклились на конституционной реформе. Что такое конституционная реформа для Кыргызстана? Это всего лишь промежуточный этап конструирования политического будущего страны. Даже сам факт ее затягивания рождает отрицательное отношение общества к власти, поскольку позволяет предположить, что за этим стоят какие-то своекорыстные интересы и нежелание серьезно менять акаевские механизмы. Очень часто раздаются мнения о том, что руководство пытается все сохранить по-прежнему и играть на выгодных для себя правилах, не учитывая настроение населения. Насколько они оправданны, покажет время. Сейчас главная задача состоит в том, чтобы вернуть полноценную политическую стабильность, а для этого требуется время.

Например, очень много идет споров, какой должна быть страна – парламентской или президентской. Я думаю, что наиболее приемлемым вариантом явилось бы создание полноценной парламентско-президентской республики. Это позволит учесть и традиции нашего народа, и либеральные ценности, которые сейчас активно идут с Запада. Одновременно, будет создан действенный баланс исполнительной и законодательной властей, ограничивая стремление каждой из них захватить всю полноту правления. Сторонникам парламентаризма я хочу сказать, что нужен определенный срок для того, чтобы мы смогли создать полноценную основу для его введения. И, потом, парламентаризм сам по себе не гарантия безусловной демократизации страны. Парламент точно также может узурпировать власть, как это делают президенты. Необходимо создавать сильный гражданский сектор и дееспособные партии, которые могут реально ограничить тиранию любой власти. Вот это сейчас, наверное, самая главная и трудная задача.

Другая ошибка нынешней власти заключается в том, что она чрезмерно уповает на свои властные ресурсы. Но они ограничены,

это показал опыт правления Акаева, ведь республика сильно зависит от внешнего влияния. И тут необходимо проявлять более четкую политическую позицию, поскольку именно эта неопределенность рождает разочарование внешнего сообщества и может в обозримой перспективе подтолкнуть иностранных доноров к тому, чтобы повторить прошлогодние события и выдвинуть новую плеяду политиков.

– Вы говорили о недостаточном внимании к различным экспертным программам. Как вы относитесь к обвинениям исполнительной власти, что большинство программ, реализуемых с помощью международных политических и финансовых институтов, нереальны и нежизнеспособны?

– Что необходимо для того, чтобы сделать эти программы жизнеспособными? В принципе, задача власти заключается в том, чтобы не слепо исполнять навязанные извне программы, а отбирать наиболее рациональные зерна и конструировать собственную программу.

Надо признать, что западные доноры зачастую приходят с некими клишированными стереотипами и пытаются их внедрять у нас. Правительство же весьма слабо пытается адаптировать предлагаемые извне программы к нашей реальности. Свидетельством тому служит то, что еще не родившиеся кыргызстанцы уже сидят в долговой яме. Внешний долг колоссален и превышает все мыслимые масштабы. Мы видим по итогам прошлого года, что внешний долг не только сократился, он еще и вырос на 200 миллионов долларов. Это тоже неблагоприятный показатель для нового руководства страны, знак того, что оно пока не в состоянии справиться с экономическими проблемами. Сразу после мартовских событий была допущена еще одна серьезная стратегическая ошибка, о которой эксперты говорили уже тогда – новое руководство начало щедро раздавать популистские обещания, заведомо невыполнимые, и тем самым оно себя загнало в ловушку. Почему представители новой оппозиции говорят о ревизии итогов марта прошлого года? Они опираются на те самые обещания и резонно требуют демонстрации конкретных

результатов. Хотя было понятно, что страна после таких серьезных перетрясок не в состоянии будет достичь высоких планок экономической роста или хотя бы стабилизации. Сейчас эти проблемы начинают вставать остро, и новой администрации в этом смысле придется достаточно тяжело.

– Как вы считаете, перевод политической борьбы в плоскость споров вокруг формы государственного устройства способен устранить проблему «юг-север», при которой вся борьба сводится к простой смене элиты?

– Можно согласиться с тем, что в этом случае общество будет пытаться решить в первую очередь политические проблемы, а не проблему происхождения. Это – определенный шаг вперед. Но здесь опять же нельзя забывать о том, что еще долгое время нам будут аукаться клановые традиции, потому что от них невозможно избавиться сразу. Потребуется не одно поколение, чтобы они ушли из повседневной политической реальности. В целом можно согласиться – перевод дискуссии в это русло позволяет смягчить клановую проблему. Но опять же, чтобы диалог стал эффективным и наполненным реальным содержанием, его необходимо подкреплять практическими шагами, в частности, реформой партийного сектора, укреплением гражданских коалиций. А так дискуссия будет оставаться дискуссией разных конкурирующих политических группировок, теряя позитивный смысл. По сути, нынешний спор политических группировок является лишь «декорацией» для кланово-родовых отношений, в котором красивые лозунги используются для прикрытия собственных интересов.

– Что вы можете сказать про наши внешнеполитические дела: что Кыргызстан выиграл, а что проиграл?

– В прошлом году происходило определенное отступление во внешней политике. Акаеву удалось к рубежу 2000-х годов выработать достаточно удачную внешнеполитическую стратегию. Понятно, что новое руководство тоже пытается найти свою линию, но, на мой взгляд, делает это сейчас не очень удачно. Наиболее явным примером тому стала дискуссия вокруг авиабазы Ганси в

ходе саммита ШОС в Астане и последующие действия руководства, в которых оно отступило от своих обещаний. В целом, можно сказать, что пока подтверждается прогноз – ближайшие несколько лет внешняя политика будет идти по «накату», основываясь на концепции Акаева. Но со временем придется говорить о необходимости более активного сотрудничества со странами Запада и Китаем. Американцы продолжают свою прагматичную политику, закрывая глаза на какие-то проблемы с демократией, и вытаскивая их на свет, когда это будет необходимо. Для меня лично наиболее привлекательными партнерами выглядят страны Европейского Союза. В том плане, что они действительно проводят более четкую линию на демократизацию общества. И, несмотря на то, что у них, так или иначе, присутствует двойной стандарт, но в меньшей степени, чем в американской политике. Что касается отношений с Россией, здесь очень многое зависит от нее самой. Насколько удачно будет развиваться наше партнерство, будет определять она сама. Она переживает непростой этап, и очень много зависит от того, какой будет Россия после 2008 года. Но, в любом случае, в отношениях с этими странами мы выступаем в роли ведомого. И это естественно, потому что наша страна мала, бедна и достаточно уязвима.

– Возвращаясь к нашим внутренним делам, какой позитив вы для себя можете отметить?

– Во многом общество после 24 марта жило только ожиданиями. Многие надеялись на элементарное восстановление справедливости.

– Вы хотите сказать, что люди оказались заложниками представления, что во всех бедах виноват один человек – Аскар Акаев?

– Да, многие думали, что с его уходом станет лучше: исчезнет коррупция, разные социальные проблемы. Сейчас мне трудно говорить о позитиве, потому что, к сожалению, реальных перемен в нашей жизни мы пока не видим. Это я могу сказать и как

рядовой гражданин, и как ученый, эксперт.

– Ваше отношение к частым разговорам о возможности повторения событий годичной давности?

– Мы видели, что этот взрыв, который смел власть Акаева, как казалось, в «одночасье», зрел годами. Сейчас изменилось само население, его сознание, отношение к окружающей реальности. Люди уже не будут терпеть пятнадцать лет. Однако, несмотря на это у окружения Бакиева есть определенный временной запас, потому что, все-таки, остаются какие-то надежды простого населения, бизнесменов. Присутствует и усталость от всякого рода разборок и конфликтов. Люди поняли – широкомасштабные конфликтные ситуации не ведут к улучшению, они еще более ухудшают положение. Это тоже является некой гарантией для новой власти. Но у Бакиева нет этих пятнадцати лет, которые были у Акаева. Если в течение двух-трех лет он не сможет реализовать обещания, на волне которых оппозиция пришла к власти, то могут созреть условия для новой смены власти, и это будет происходить гораздо более жестко, чем ранее.

Беседовал Азамат ТЫНАЕВ.

«Белый пароход»